

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Домашний арест как мера пресечения»

Обучающийся

С.С. Халилов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Гуманизация современного уголовного и уголовно-процессуального права предполагает концептуальный переход от карательной парадигмы к внедрению коррекционно-реабилитационных механизмов, ориентированных на исправление и социальную реинтеграцию лиц, привлеченных к уголовной ответственности. В данном контексте домашний арест как мера пресечения обладает значительным криминологическим потенциалом, поскольку, обеспечивая изоляцию обвиняемого от общества, одновременно минимизирует деструктивное воздействие на его семейные и социальные связи, создавая предпосылки для успешной постпенитенциарной адаптации. Однако реализация данного потенциала требует тщательной оценки сопутствующих рисков, включая проблему обеспечения соблюдения установленных ограничений и опасность подмены более строгих мер пресечения, что актуализирует необходимость комплексного совершенствования нормативной базы, направленного на достижение оптимального баланса между гуманистическими принципами современной уголовной политики и императивами общественной безопасности.

Актуальность настоящего исследования определяется комплексом факторов, включающих не только статистически подтвержденный рост применения домашнего ареста, но и настоятельную необходимость формирования эффективного правового механизма его реализации. В условиях современной парадигмы развития уголовной политики, ориентированной на приоритет коррекционных и реинтеграционных подходов, научная разработка вопросов совершенствования процедуры применения домашнего ареста приобретает особую теоретико-прикладную значимость.

Настоящая выпускная квалификационная работа, посвященная комплексному исследованию домашнего ареста как меры процессуального принуждения, представляет собой научно значимое исследование, вносящее

существенный вклад в развитие доктринальных представлений о данном правовом институте. Проведенный анализ способствует не только углублению теоретического понимания природы и функций домашнего ареста в системе мер пресечения, но и выработке практико-ориентированных рекомендаций по оптимизации правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства, что определяет ее актуальность и научно-практическую ценность.

Цель работы – комплексное исследование домашнего ареста как меры пресечения.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть понятие, сущность домашнего ареста, а также его место в системе мер пресечения;
- изучить историю возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения;
- исследовать основания и условия применения домашнего ареста;
- раскрыть порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста;
- выявить проблемные аспекты применения меры пресечения в виде домашнего ареста и разработать пути их решения.

Выпускная квалификационная работа включает в себя введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Домашний арест: теоретический обзор.....	9
1.1 Домашний арест в системе мер пресечения.....	9
1.2 Генезис меры пресечения в виде домашнего ареста	19
Глава 2 Процессуальная регламентация домашнего ареста	26
2.1 Основания избрания меры пресечения в виде домашнего ареста	26
2.2 Процессуальный порядок избрания домашнего ареста	36
Глава 3 Проблемы процессуальной регламентации и применения домашнего ареста и предложения по их решению	52
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

Гуманизация современного уголовного и уголовно-процессуального права предполагает концептуальный переход от карательной парадигмы к внедрению коррекционно-реабилитационных механизмов, ориентированных на исправление и социальную реинтеграцию лиц, привлеченных к уголовной ответственности. В данном контексте домашний арест как мера пресечения обладает значительным криминологическим потенциалом, поскольку, обеспечивая изоляцию обвиняемого от общества, одновременно минимизирует деструктивное воздействие на его семейные и социальные связи, создавая предпосылки для успешной постпенитенциарной адаптации. Однако реализация данного потенциала требует тщательной оценки сопутствующих рисков, включая проблему обеспечения соблюдения установленных ограничений и опасность подмены более строгих мер пресечения, что актуализирует необходимость комплексного совершенствования нормативной базы, направленного на достижение оптимального баланса между гуманистическими принципами современной уголовной политики и императивами общественной безопасности.

Актуальность настоящего исследования определяется комплексом факторов, включающих не только статистически подтвержденный рост применения домашнего ареста, но и настоятельную необходимость формирования эффективного правового механизма его реализации. В условиях современной парадигмы развития уголовной политики, ориентированной на приоритет коррекционных и реинтеграционных подходов, научная разработка вопросов совершенствования процедуры применения домашнего ареста приобретает особую теоретико-прикладную значимость.

Дополнительным аргументом, обосновывающим своевременность исследования, выступает наличие системных рисков, связанных как с возможностью нарушения установленного режима домашнего ареста, так и с потенциальной опасностью его необоснованного использования в качестве

чрезмерно мягкой санкции. Указанные обстоятельства актуализируют потребность в фундаментальном анализе и последующей оптимизации нормативной базы, направленной на достижение оптимального баланса между гуманистическими принципами современного правосудия и императивами защиты общественных интересов.

Настоящая выпускная квалификационная работа, посвященная комплексному исследованию домашнего ареста как меры процессуального принуждения, представляет собой научно значимое исследование, вносящее существенный вклад в развитие доктринальных представлений о данном правовом институте. Проведенный анализ способствует не только углублению теоретического понимания природы и функций домашнего ареста в системе мер пресечения, но и выработке практико-ориентированных рекомендаций по оптимизации правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства, что определяет ее актуальность и научно-практическую ценность.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, формирующихся в процессе назначения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Предмет исследования включает нормативно-правовые положения уголовного законодательства, регулирующие применение данной меры, материалы судебной и следственной практики, а также научные публикации, посвященные проблематике домашнего ареста.

Цель работы – комплексное исследование домашнего ареста как меры пресечения.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть понятие, сущность домашнего ареста, а также его место в системе мер пресечения;
- изучить историю возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения;

- исследовать основания и условия применения домашнего ареста;
- раскрыть порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста;
- выявить проблемные аспекты применения меры пресечения в виде домашнего ареста и разработать пути их решения.

Теоретической базой настоящего исследования послужили труды таких исследователей, как: А.О. Каштанова, А.В. Квык, А.Ф. Кистяковский, В.И. Сергеев, К.С. Тарасова, Л.М. Фетищева и др., а также соответствующие учебники, учебные пособия, научные статьи, диссертации и другие источники в области уголовного права, уголовно-процессуального права и смежных дисциплин.

Нормативная база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), а также комплексом нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы, связанные с применением домашнего ареста как меры пресечения, направленных на регулирование вопросов, связанных с применением домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Научная ценность настоящего исследования определяется его потенциальным вкладом в развитие теоретических основ и оптимизацию правоприменительной практики в сфере использования домашнего ареста как меры пресечения. Сформулированные в работе концептуальные выводы, аналитические обобщения и практические рекомендации создают методологическую базу для повышения эффективности данного процессуального института, обеспечивая его соответствие современным тенденциям гуманизации уголовной политики и требованиям справедливого правосудия.

Проведенный многоаспектный анализ эффективности применения домашнего ареста, включающий выявление системных проблем правоприменения и разработку научно обоснованных предложений по их преодолению, обладает значительным регуляторным потенциалом и может служить основой для: совершенствования нормативно-правовой базы, разработки законодательных новаций, оптимизации механизмов судебного контроля. Таким образом,

результаты исследования представляют собой значимый научный ресурс для формирования более сбалансированной и эффективной системы мер пресечения, отвечающей принципам соразмерности, обоснованности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

В ходе настоящего исследования был реализован комплексный методологический подход, обеспечивший многоаспектный анализ проблем применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Историко-правовой анализ позволил реконструировать генезис института домашнего ареста, выявить трансформацию его нормативного регулирования и эволюцию судебной практики, установив причинно-следственные связи между законодательными изменениями и их правоприменительными последствиями. Статистико-аналитический метод, основанный на систематизации и верификации эмпирических данных, способствовал выявлению устойчивых тенденций в динамике применения данной меры пресечения и установлению корреляционных зависимостей между различными факторами. Формально-догматический анализ нормативной базы, включающий текстуальное исследование законодательных актов и их доктринальную интерпретацию, позволил оценить степень соответствия регламентации домашнего ареста фундаментальным принципам уголовного процесса. Сравнительно-правовое исследование обеспечило выявление компаративных характеристик национальной модели применения домашнего ареста в контексте зарубежных правовых систем и современных научных концепций. Интеграция указанных методов создала надежную методологическую основу для формулирования научно обоснованных выводов и практико-ориентированных рекомендаций по оптимизации правового регулирования и судебной практики применения домашнего ареста.

Выпускная квалификационная работа включает в себя введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Домашний арест: теоретический обзор

1.1 Домашний арест в системе мер пресечения

Меры пресечения представляют собой меры принуждения, которые применяются в рамках уголовного дела к обвиняемому или подозреваемому. В соответствии со ст. 97 УПК РФ, «дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [27].

Меры пресечения определены в УПК РФ. Так, согласно ст. 98 УПК РФ, к мерам пресечения относят следующие:

- «подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу» [27].

Следует отметить, что «домашний арест и содержание под стражей занимают нижние ступени представленного перечня, поскольку они ограничивают свободу передвижения обвиняемых или подозреваемых лиц, личную неприкосновенность и другие связанные с этим блага» [15, с. 21].

Многие исследователи отмечают, что чаще всего «на практике применяются только две меры пресечения – подписка о невыезде и заключение под стражу. В отечественном уголовном процессе достаточно редки случаи использования других мер пресечения, поскольку другие виды мер пресечения обладают слабой или недостаточной эффективностью, поскольку не позволяют обеспечить гарантию решения основных задач уголовного процесса» [15, с. 21].

Ст. 99 УПК РФ регламентирует, что «при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства» [27].

Итак, домашний арест является одной из мер пресечения, предусмотренных главой 13 УПК РФ.

Нормативная конструкция ст. 98 УПК РФ, предусматривающая иерархию мер пресечения по возрастанию степени их рестриктивности, «определяет домашний арест как меру средней строгости, которая по своей процессуальной природе является более мягкой по сравнению с заключением под стражу, но более жесткой в отношении таких мер пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым и залог, что соответствует принципу дифференцированного подхода к применению мер процессуального принуждения» [30, с. 67].

Следует отметить, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» меры пресечения, ограничивающие свободу, - заключение под стражу и домашний арест – применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда

применение более мягкой меры пресечения невозможно [16].

Нормативное регулирование мер пресечения в российском уголовном процессе, базирующееся на положениях статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривает гарантию права лица, в отношении которого применены наиболее строгие меры пресечения, связанные с изоляцией от общества (заключение под стражу или домашний арест), на пересмотр избранной меры пресечения и возможность ее замены на более мягкие формы процессуального принуждения, включая залог, что соответствует международным стандартам в области защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрим сущность домашнего ареста, которая раскрывается в ст. 107 УПК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 107, «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение» [27].

Рассмотрим определения понятия домашнего ареста, которые предлагают различные исследователи.

По мнению О.И. Цоколовой, домашний арест представляет собой «меру пресечения, ограничивающую свободу передвижения конкретного лица и содержащую запрет на общение и переговоры с какими-либо лицами» [30, с. 75].

В.И. Сергеев определяет домашний арест как «ограничение свободы передвижения личности, к которой применена данная мера пресечения, пребывании его в собственном жилом доме, запрете оставлять свое

жилище» [25, с. 102].

Г.С. Русман даёт определение домашнему аресту «как ограничение свободы конкретного лица в виде полной либо частичной изолированности его от общества, предусматривая при этом запрет на общение» [23, с. 120].

К.С. Тарасова отмечает, что «сущность домашнего ареста состоит в обеспечении и создании оптимальных условий для расследования уголовного дела при отсутствии препятствий, которые потенциально мог бы создать подозреваемый, а также при необходимости временной изоляции подозреваемого при расследовании уголовного дела, тем самым находясь под домашним арестом он не может скрыть, уничтожить доказательства или повлиять на третьи стороны, в том числе для того, чтобы представить им некоторые необходимые доказательства» [26, с. 82].

Е.А. Семёнов и М.Г. Давыдова замечают, что «подозреваемый (обвиняемый), находящийся под домашним арестом, не имеет возможности законным способом распорядиться своим имуществом, что актуально в отношении преступлений, сопряженных с причинением материального ущерба потерпевшему и необходимости его возмещения» [24, с. 474].

В научной литературе понятие «домашний арест» рассматривается как «одна из ключевых мер пресечения, сущность которой заключается в ограничении свободы передвижения и социальных контактов подозреваемого или обвиняемого» [24, с. 473]. Учёные демонстрируют консенсус в трактовке данного института, определяя его в качестве правового механизма, направленного на изоляцию лица в пределах места проживания или иного определённого места. При этом подчёркивается, что подобное ограничение существенно сужает спектр личных свобод индивида, поскольку исключает возможность свободного перемещения за установленные границы, тем самым формируя значительные правовые и социальные последствия для субъекта применения данной меры. Некоторые исследователи также отмечают «актуальность домашнего ареста в случаях, связанных с материальным ущербом потерпевшему и необходимостью его возмещения, подчеркивая неспособность подозреваемого распоряжаться своим

имуществом законным образом во время пребывания под данной мерой пресечения. Также домашний арест позволяет контролировать деятельность лица, находящегося под домашним арестом, в том числе с целью предотвращения возможных негативных последствий» [24, с. 474].

Наиболее полное определение даёт исследователь Л.М. Фетищева, которая отмечает, что «домашний арест является мерой пресечения, разрешающей, при существовании оснований для данной меры, а также для реализации исполнения приговора, где непременно перечислены возраст, наличие заболеваний, семейного положения личности и остальных обстоятельств, применить к нему по указанному решению суда ограничения, сопряженные со свободой перемещения, наличия запрета на общение с какими-либо лицами, все действия, связанные с корреспонденцией, ведение переговоров с применением тех или иных средств связи» [29, с. 56]. Л.М. Фетищева также отмечает, что «будучи под домашним арестом, подозреваемый не имеет возможности скрыться, уничтожить доказательства, повлиять на третьих лиц, в том числе с целью дачи ими определенных, нужных ему доказательств. Возможность совершить новое преступление в условиях ограничения свободы полностью, безусловно, не исключается, но максимально минимизируется» [29, с. 55]. В научной литературе позиция Л.М. Фетищевой занимает значимое место, предлагая комплексное определение домашнего ареста, охватывающее его ключевые аспекты. Автор акцентирует внимание на критериях избрания данной меры пресечения, включая возрастные, медицинские и семейные обстоятельства подозреваемого или обвиняемого, а также иные значимые факторы, подчеркивая при этом «необходимость строгого соблюдения установленных ограничений в сфере свободы передвижения и коммуникации» [29, с. 55]. Кроме того, в работе отмечаются «процессуальные преимущества домашнего ареста, заключающиеся в минимизации рисков сокрытия доказательств и оказания давления на участников уголовного судопроизводства» [29, с. 55].

А.В. Квык отмечает, что «домашний арест как мера пресечения не ограничивается лишь запретом, сопряженным с содержанием подозреваемого

(обвиняемого) в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает на законных основаниях, но и могут быть применены иные, перечисленные в пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ» [11, с. 77]. В научной доктрине позиция А.В. Квык представляет собой широкую трактовку домашнего ареста, выходящую за рамки традиционного понимания данной меры исключительно как ограничения свободы передвижения и коммуникации. Исследователь акцентирует внимание на расширенном спектре возможных правовых ограничений, предусмотренных действующим законодательством, что позволяет дифференцированно подходить к их применению с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела. Такой подход основывается на комплексном анализе нормативно-правовой базы, регламентирующей меры пресечения, и подчеркивает их вариативность как инструмента обеспечения баланса между интересами правосудия, безопасности и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Так, в соответствии с пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, «суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно- телекоммуникационную сеть «Интернет»» [27].

«Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган» [11, с. 78].

Приведём примеры из судебной практики, когда лицу, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, возлагались дополнительные запреты.

Так, например, рассмотрим апелляционное постановление № 22- 1530/2023 от 28 сентября 2023 года. Брянский областной суд рассмотрел в открытом судебном заседании материалы по апелляционной жалобе защитника в интересах обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 1 месяц 27 суток. Суд апелляционной инстанции постановил:

«Меру пресечения обвиняемому ФИО1 в виде заключения под стражу изменить на домашний арест по адресу: <адрес>, на срок 1 месяц 27 суток. При этом в соответствии со ст. 107 УПК РФ на период нахождения под домашним арестом обвиняемому ФИО1 были установлены следующие запреты:

- покидать жилище, расположенное по адресу: г <адрес>, за исключением явки по вызовам органов предварительного следствия и суда в сопровождении контролирующего органа;
- общаться с лицами, проходящими по настоящему уголовному делу в качестве потерпевших, свидетелей, обвиняемых (подозреваемых), и иными лицами по настоящему уголовному делу за исключением защитников - адвокатов, а также близких родственников, круг которых определен законом;
- использовать средства связи и информационно- телекоммуникационную сеть "Интернет", за исключением использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно- спасательных служб, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом и со следователем (о каждом таком звонке обвиняемый должен информировать контролирующий орган);
- получать и отправлять почтово-телеграфные отправления, за исключением корреспонденции правоохранительных органов и суда» [1].

Рассмотрим также апелляционное постановление № 22К-3180/2023 3/1-

227/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 3/1-227/2023: «Избрать обвиняемому ФИО1, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, меру пресечения в виде домашнего ареста в жилом помещении, расположенном по адресу: <адрес>, на 01 месяц 13 суток, то есть до ДД.ММ.ГГГГ. Избранная мера пресечения в виде домашнего ареста заключается в изоляции ФИО1 от общества в жилом помещении, расположенном по адресу: <адрес>, выход из которого возможен только с письменного разрешения следователя либо в случае посещения им медицинских учреждений при наличии соответствующих оснований с немедленным уведомлением об этом сотрудников органа Филиала по Гагаринскому району г. Севастополя ФКУ УИИ УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю, осуществляющего контроль за нахождением ФИО1 в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и ограничений. Запретить обвиняемому ФИО1:

- общаться с лицами, проходящими по уголовному делу в качестве обвиняемых, свидетелей, без соответствующего разрешения следователя либо суда;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, за исключением почтово-телеграфной корреспонденции, направленной и полученной из судов, прокуратуры и органов предварительного расследования;
- использовать средства связи и информационно- телекоммуникационную сеть «Интернет», за исключением вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также общения с защитником, органом предварительного расследования и контролирующим органом. О каждом таком звонке обвиняемый обязан информировать контролирующий орган» [2].

Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии у судебных органов существенной дискреции при определении конкретных ограничений в рамках избрания меры пресечения в виде домашнего

ареста, что позволяет индивидуализировать применяемые ограничения с учетом особенностей каждого конкретного случая. Наблюдаемая в судебной практике тенденция к предоставлению исключений на основании соответствующих ходатайств, разрешающих совершение отдельных действий лицам, в отношении которых применена данная мера пресечения, демонстрирует гибкость механизма ее реализации.

Подобная адаптивность правового регулирования обеспечивает возможность учета специфики конкретных правовых ситуаций при сохранении сущностных характеристик данной меры процессуального принуждения. Указанная особенность правоприменения подчеркивает балансирующий характер домашнего ареста как меры пресечения, сочетающей ограничительную функцию с возможностью учета индивидуальных обстоятельств дела.

Примером может служить информация, представленная в апелляционном постановлении № 22-2466/2020 22К-2466/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020: «23.02.2019 постановлением Кировского районного суда г. Томска в отношении Сергеева С.С. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, которая впоследствии неоднократно продлялась. 30.09.2019 уголовное дело в отношении Сергеева С.С. поступило в Кировский районный суд г. Томска для рассмотрения по существу обвинения. При решении вопроса о назначении судебного заседания и судьбе меры пресечения постановлением Кировского районного суда г. Томска от 10.10.2019 в отношении Сергеева С.С. срок домашнего ареста продлен до 30.03.2020 с сохранением ранее установленных запретов и ограничений. 23.03.2020 Кировским районным судом г. Томска в отношении Сергеева С.С. срок домашнего ареста продлен до 30.06.2020 с сохранением ранее установленных запретов и ограничений, при этом Сергееву С.С. разрешено посещение тренажерного зала по адресу: /***/ в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 часов. 18.06.2020 Кировским районным судом г. Томска в отношении Сергеева С.С. срок домашнего ареста продлен до 30.09.2020 с сохранением ранее установленных запретов и ограничений. 23.09.2020 Кировским районным судом г. Томска в отношении Сергеева С.С. срок домашнего ареста продлен до 30.12.2020 с

сохранением ранее установленных запретов и ограничений. Вместе с тем, Сергееву С.С. разрешено покидать пределы жилого помещения для посещения детской художественной школы /***/ по адресу: /***/, по средам и пятницам с 18 до 22 часов, с уведомлением о каждом посещении контролирующего органа. По итогам апелляционного обжалования указанного постановления суд апелляционной инстанции постановлением от 22.10.2020 изменил адрес жилого помещения, которое разрешено покидать, а в остальной части постановление суда первой инстанции оставлено без изменения. 03.12.2020 Кировским районным судом г. Томска в отношении Сергеева С.С. срок домашнего ареста продлен до 30.03.2021 с сохранением ранее установленных запретов и ограничений, при этом исключено разрешение на совершение ежедневных прогулок» [4]. Данный пример наглядно демонстрирует возможные ограничения и разрешения при применении в отношении осужденного или подозреваемого меры пресечения в виде домашнего ареста.

Анализ действующего нормативно-правового регулирования института домашнего ареста позволяет выделить его системообразующие характеристики, определяющие особую правовую природу данной меры пресечения. Центральным элементом выступает исключительно судебный порядок ее избрания, что обуславливает повышенные гарантии правовой защищенности и подчеркивает особый процессуальный статус в системе мер принуждения. Сущностной характеристикой является установление режима принудительной изоляции в жилом помещении или ином месте постоянного проживания, создающего специфическую правовую конструкцию ограничения свободы передвижения. Отличительной особенностью данного института выступает комплексный характер устанавливаемых ограничений, включающий запреты на отдельные виды коммуникаций (мобильную связь, интернет-технологии) и социальных взаимодействий, что формирует уникальный по степени интенсивности воздействия механизм регулирования правового статуса личности, существенно дифференцирующий домашний арест от иных мер процессуального принуждения как по объему ограничений, так и по глубине вмешательства в частную сферу

индивида.

Совокупность указанных характеристик позволяет квалифицировать домашний арест как строгую меру пресечения, обладающую значительным изоляционным потенциалом, обеспечивающим эффективное ограничение социальных связей подозреваемого или обвиняемого. При этом институт демонстрирует выраженную экономическую эффективность, достигаемую за счет сочетания режимных ограничений с применением систем технического мониторинга, что позволяет существенно сократить бюджетные расходы на содержание лиц в учреждениях пенитенциарной системы при сохранении необходимого уровня контроля. Данная особенность делает рассматриваемый правовой институт значимым элементом современной системы мер пресечения, сочетающим карательную функцию с экономической целесообразностью. Такой контрольный механизм гарантирует неукоснительное соблюдение установленных судом ограничений, предотвращая возможные нарушения процессуальных предписаний. При этом система предусматривает обязательную фиксацию и оперативное информирование уголовно-исполнительных инспекций о выявленных отклонениях от предписанного режима с последующим применением соответствующих правовых санкций в случае необходимости, что обеспечивает действенность данной меры пресечения в рамках существующей правовой парадигмы.

1.2 Генезис меры пресечения в виде домашнего ареста

Домашний арест в качестве меры пресечения известен России с XII века и именовался «отдача за пристава» [12, с. 55].

По своей строгости отдача за пристава была второй мерой пресечения после «... содержания сидельцев и колодников в тюрьмах и приказах» [12, с. 55]. «Точных правил применения данной меры пресечения в этот период времени не существовало – очевидно, многое зависело от усмотрения судьи» [10, с. 139].

Однако «данная мера пресечения («отдача за пристава») 20 октября 1653 была упразднена с выходом Указа, в котором отмечалось «... впредь татей и разбойников за приставы не отдавать, а держать их до указу в тюрьмах», что означало упразднение данной меры пресечения. Необходимость отмены отдачи за пристава была вызвана тем, что многие обвиняемые были не в состоянии платить пожелезное и покорм» [10, с. 140].

«Следующим этапом в развитии домашнего ареста как меры пресечения стало закрепление его в российском уголовном законодательстве в XIX веке. Свод законов 1832 года впервые конкретизировал эту меру пресечения, определяя её применение к лицам, обвиняемым в менее серьёзных преступлениях, за которые не предусматривалось тяжёлое наказание, при этом в законе не было чёткого разграничения между домашним арестом и полицейским надзором, что создавало некоторые сложности в применении меры пресечения в виде домашнего ареста» [10, с. 140].

Так, «тюремному заключению подлежали те лица, которые обвинялись в преступлениях, влекущих за собой лишение всех прав состояния или торговую казнь, а также те, кто обвинялся в других менее важных преступлениях и не мог представить себе поруку (ст. 877). Под домашним арестом и полицейским надзором содержались обвиняемые «... в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы тюремному заключению» (ст. 878). Отдача на поруки была допустима при совершении преступлений, за которые закон не определял тяжелого наказания (ст. 880)» [10, с. 140].

А.Ф. Кистяковский отмечал, что «издание Свода законов есть важная эпоха в истории нашего законодательства вообще и судопроизводства в частности.

С изданием Свода законов не было внесено перемен в наши учреждения, дух закона остался тот же самый, как и до издания.

Тем не менее, этой законодательной работой сделано было многое: все действующие законы приведены в известность, расположены в систему по предметам, подведены, хоть в слабой степени, под известные начала» [12, с. 47].

Отмечая важность Свода законов, А.Ф. Кистяковский подчеркивает его значимость как «эпохальное событие в истории законодательства и судопроизводства» [12, с. 47]. Он отмечает, что «издание Свода законов не привело к радикальным изменениям в учреждениях и духе закона, который остался прежним как до, так и после этого события» [12, с. 47].

«Согласно Своду законов, суть домашнего ареста состояла в том, что в жилище обвиняемого устанавливался надзор полицейского служителя или жандарма. Из-за дефицита служащих в полиции и жандармерии, данная мера ограничения свободы применялась редко. Важно отметить, что домашний арест чаще назначался для лиц, принадлежащих к привилегированным классам общества.

Утверждение Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года привело к более детальной классификации уголовных наказаний и мер пресечения. Согласно этому документу, домашний арест и полицейский надзор применялись к лицам, обвиняемым в менее серьезных преступлениях, которые в противном случае могли бы быть заключены в крепости, смиренный дом или тюрьму.

Однако сам закон не определял четкие критерии, что считается менее или более серьезным преступлением. В связи с этим выбор меры пресечения оставался на усмотрение судьи. Также в законодательстве всё ещё отсутствовало разграничение между домашним арестом и полицейским надзором.

15 мая 1867 года был принят закон, который полностью отменил систему мер пресечения, предусмотренную Сводом законов, и заменил её правилами Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года, действовавшими до 1917 года» [12, с. 47].

Анализ исторических правовых актов свидетельствует об отсутствии четкой юридической дефиниции домашнего ареста в рассматриваемый период, несмотря на его упоминание в качестве временной меры процессуального принуждения, предшествующей внесению поручительства или залога. Источниковедческие данные позволяют заключить, что применение данного института носило исключительный характер и допускалось лишь при наличии особых обстоятельств,

к числу которых относились серьезные заболевания или особый социальный статус обвиняемого, что обуславливало крайне ограниченное использование этой меры в правоприменительной практике указанной эпохи.

«В период с 1917 по 1922 годы уголовное судопроизводство осуществлялось благодаря следующим нормативным правовым актам: Декреты Совета Народных Комиссаров «О суде» (от 24.11.1917 г. № 1; от 07.03.1918 г. № 2; от 13.07.1918 г. № 3); Положение о военных следователях от 30.09.1919 г.; Положение о народном суде от 21.10.1920 г.; Положение о судостроительстве РСФСР от 11.11.1922 г.

Перечень мер пресечений был определен в Положении о военных следователях и состоял из: письменного обязательства о явке к следователю и неотлучке с места службы или жительства, отдачи на поруки, залога, отдачи под ближайший надзор начальства, ареста» [10, с. 141].

«В 1922 г. был принят первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК РСФСР), где были предусмотрены меры пресечения, включая подписку о невыезде, поручительство, залог, домашний арест и заключение под стражу [28]. При принятии решения о применении этих мер, следователь учитывал важность преступления, вероятность уклонения от следствия и состояние здоровья обвиняемого, согласно УПК РСФСР 1922 г.» [10, с. 141].

«УПК РСФСР 1922 г., в отличие от Устава 1922 г., определял понятие «домашний арест» как лишение свободы обвиняемого с изоляцией на дому, с назначением стражи или без таковой, что подтверждает изменения в законодательстве в этот период. Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1923 г. продолжило действие мер пресечения, соответствующих тем, что были установлены в УПК 1922 г., обеспечивая стабильность законодательства в данной области до 1960 г.

В УПК РСФСР 1960 г. были отменены имущественное поручительство и домашний арест, вместо которых были введены подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение за военнослужащими, залог и заключение под стражу, а также уточнены меры пресечения для несовершеннолетних» [10, с. 141].

Современная система мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве прошла значительную трансформацию, обусловленную принятием Конституции Российской Федерации 1993 года [14], которая заложила новые конституционные принципы уголовного процесса и создала необходимые предпосылки для разработки современного уголовно-процессуального законодательства. Результатом данной реформы стало введение в действие с 1 июля 2002 года Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепившего принципиально новую систему мер процессуального принуждения.

Историко-правовой анализ генезиса института домашнего ареста позволяет выделить несколько содержательных этапов его эволюции, отражающих последовательное развитие данного правового явления от вспомогательной меры воздействия до самостоятельного процессуального института, занимающего важное место в системе мер пресечения. Каждый из этих этапов характеризуется специфическими нормативными решениями, отражающими изменение представлений законодателя о природе, целях и пределах применения данной меры процессуального принуждения.

В современной научной литературе, представленной работами таких исследователей, как А.М. Баксалова, М.Д. Гурова [6, с. 374], А.О. Каштанова [10, с. 141], прослеживается консенсус относительно выделения четырех основных периодов становления данного института, хотя хронологические границы этих этапов различными авторами определяются неодинаково. Компаративный анализ научных подходов в сочетании с историко-правовым исследованием генезиса домашнего ареста действительно подтверждает целесообразность выделения четырех ключевых стадий формирования этого правового института как самостоятельной меры пресечения.

«Первый этап, с 1646 года по 1653 год, характеризуется первыми упоминаниями о домашнем аресте, однако отсутствует законодательная база для его официального признания.

Второй этап, с 1832 года по 1919 год, связан с утверждением домашнего ареста в Своде законов 1832 года и принятием Устава уголовного

судопроизводства.

Третий этап, с 1922 года по 1960 год, характеризуется созданием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и регулированием домашнего ареста в различных нормативных актах, обеспечивая единство судебной практики.

Наконец, четвёртый этап, с 2001 года по настоящее время, отмечается введением Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепляющего домашний арест как меру пресечения, а также развитием других правовых актов для эффективного контроля за лицами, находящимися под домашним арестом» [10, с. 141].

А.О. Каштанова замечает, что «домашний арест периодически подвергался упразднению (в периоды с 1653-1832 гг., 1919-1922 гг., 1960- 2001 гг.) по ряду различных причин, выраженных: в отсутствии возможности выплаты денежного вознаграждения приставам; в отсутствии достаточного количества личного состава за осуществлением наблюдения за подозреваемыми и обвиняемыми; в отсутствии должного законодательного регулирования порядка избрания и реализации домашнего ареста» [10, с. 141]. Таким образом, исследователь констатирует, что «процесс становления мер пресечения начинался от отсутствия четкой дифференциации мер пресечения, зависимости избрания меры пресечения от решения судьи или судебного следователя, а не от нормы закона, до гуманизации норм уголовно-процессуального законодательства, строгой регламентации порядка применения мер пресечения» [10, с. 141].

Итак, представим выводы к первой главе работы.

Домашний арест как мера пресечения, регламентированная главой 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представляет собой строгий вид процессуального принуждения, обеспечивающий эффективную социальную изоляцию обвиняемого (подозреваемого) при одновременной реализации принципа экономии процессуальных издержек.

Институциональная ценность данной меры проявляется в ее двойственной природе: с одной стороны, она создает действенный механизм контроля за поведением субъекта уголовного преследования посредством системы

круглосуточного электронного мониторинга, с другой - позволяет оптимизировать бюджетные расходы на содержание лиц в следственных изоляторах. Технологический компонент контроля гарантирует неукоснительное соблюдение установленных судом ограничений, формируя автоматизированную систему фиксации нарушений с последующей их трансляцией в уголовно-исполнительные инспекции для принятия адекватных правовых мер, что в совокупности обеспечивает баланс между карательной и превентивной функциями данного процессуального института.

Историко-правовое исследование генезиса данного института демонстрирует четыре последовательных этапа его развития: генезисный (1646-1653 гг.), характеризующийся первичным оформлением в правовой системе; институциональный (1832-1919 гг.), связанный с формированием нормативного механизма; кодификационный (1922-1960 гг.), совпавший с созданием уголовно-процессуального законодательства; и современный (с 2001 г. по настоящее время), отражающий процесс реинституционализации и совершенствования домашнего ареста как полноценной меры процессуального принуждения в российской правовой системе.

Глава 2 Процессуальная регламентация домашнего ареста

2.1 Основания избрания меры пресечения в виде домашнего ареста

Институт мер пресечения в уголовном судопроизводстве выполняет существенную процессуальную функцию, заключающуюся в создании правовых гарантий надлежащего соблюдения норм материального и процессуального права, а также «в предотвращении потенциальных действий со стороны участников процесса, способных воспрепятствовать установлению объективной истины по делу, затруднить производство следственных действий или иным образом негативно повлиять на ход предварительного расследования» [17, с. 142].

«По сути, применение мер пресечения направлено на предотвращение подозреваемыми и обвиняемыми действий, которые могут помешать проведению судебного процесса. Эти меры должны быть выбраны с учетом необходимости ограничения определенных прав и интересов подозреваемых или обвиняемых, а также с учетом их потенциальной эффективности в поддержании правопорядка» [17, с. 142].

Юридическая легитимность и пропорциональность мер процессуального принуждения обусловлены их объективной востребованностью в правоприменительной практике и функциональной направленностью на обеспечение неукоснительного соблюдения правовых предписаний и поддержание установленного порядка уголовного судопроизводства. Критерии допустимости таких мер определяются их соответствием принципам необходимости и соразмерности, предполагающим строгую зависимость между применяемыми ограничительными мерами и реальными потребностями уголовного процесса в конкретной правовой ситуации. При этом функциональная эффективность процессуального принуждения проявляется в его способности создавать действенные гарантии реализации норм материального и процессуального права, обеспечивая тем самым баланс между публичными интересами правосудия и защитой прав участников уголовного судопроизводства. Эффективная и

обоснованная реализация мер пресечения в уголовном процессе выполняет двоякую функцию: с одной стороны, обеспечивает неукоснительное соблюдение правовых предписаний, с другой - способствует поддержанию надлежащей процессуальной дисциплины в системе правосудия. При этом принципы правомерности и соразмерности выступают системообразующими критериями, формирующими баланс между интересами правосудия и защитой прав участников уголовного судопроизводства.

Принятие процессуального решения о применении конкретной меры пресечения представляет собой превентивную меру, основанную на доказательном прогнозировании возможного противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого), что обуславливает необходимость проведения правоприменителем всесторонней оценки всей совокупности обстоятельств уголовного дела.

В доктрине уголовного процесса основания для избрания мер пресечения классифицируются на прямые и косвенные, интегрирующие поведенческие паттерны и индивидуально-личностные характеристики фигуранта уголовного преследования. К числу релевантных факторов относятся криминальный анамнез (включая наличие непогашенных судимостей), рецидивная преступная активность, случаи нарушения ранее применённых мер процессуального принуждения, систематическое игнорирование судебных повесток, а также отсутствие постоянной регистрации по месту жительства.

Прямые доказательства необходимости ограничительных мер могут включать конкретные действия, демонстрирующие намерение уклониться от следствия (такие как приобретение проездных документов для выезда за пределы юрисдикции или оформление заграничного паспорта), тогда как косвенные основания базируются на анализе предшествующего опыта взаимодействия с правоохранительными органами, свидетельствующего о потенциальной склонности к противодействию уголовному преследованию. Данная система критериев формирует многофакторную модель оценки рисков, обеспечивающую обоснованность и пропорциональность применяемых ограничительных мер.

Отдельные прогностические критерии, в частности оценка вероятности продолжения преступной деятельности, носят дискуссионный характер в контексте их соответствия принципу презумпции невиновности, однако могут находить подтверждение в показаниях соучастников либо сведениях о высказанных угрозах в адрес потерпевших.

Таким образом, детерминация необходимости и соразмерности мер пресечения осуществляется посредством комплексного прогностического анализа поведенческих паттернов обвиняемого, где различные аспекты его противоправной активности формируют эмпирическую базу для принятия процессуальных решений.

Следует подчеркнуть, что перечень оснований для избрания мер пресечения, закрепленный в уголовно-процессуальном законодательстве, носит открытый характер, что предоставляет правоприменителю необходимую дискреционную свободу при оценке конкретных обстоятельств дела. Данная правовая конструкция, основанная на принципе целесообразности, позволяет органам уголовного преследования осуществлять индивидуальный подход к каждому случаю, принимая во внимание всю совокупность значимых факторов. Такой механизм правового регулирования обеспечивает оптимальный баланс между формальной определенностью закона и гибкостью его применения, что в конечном итоге способствует эффективному предупреждению потенциальных препятствий в ходе уголовного судопроизводства и достижению его основных целей.

И.Д. Мальцагов отмечает, что «для того, чтобы в отношении обвиняемого или подозреваемого была применена мера пресечения, достаточно предположений уже на основе одних только подтвержденных в ходе разбирательства фактов, а не обязательно совершение вышеперечисленных противоправных деяний. Эти сведения отражаются в материалах уголовного дела и в обязательном порядке должны быть относимы, допустимы и достоверны, чтобы на их основании в отношении обвиняемого (подозреваемого) могли быть избраны и применены соответствующие меры пресечения.

Таким образом обеспечивается вынесение справедливого и правомерного решения. Если информация добыта с нарушением перечисленных в ст. 89 УПК (ч. 1 ст. 108 УПК) требований, ее достоверность не доказана, то она не может быть приобщена к делу. Согласно ст. 112 УПК РФ, при отсутствии перечисленных оснований для обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) с целью дальнейшего участия в дознании и прочих процессуальных мероприятиях в рамках следствия по делу должно быть получено соответствующее обязательство» [17, с. 142].

Исследователь отмечает, что «для применения мер пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого достаточно предположений на основе подтвержденных фактов, а не обязательно совершение противоправных деяний. Важно, чтобы эти сведения были относимы, допустимы и достоверны, чтобы обеспечить справедливое и правомерное решение» [17, с. 142].

«В рамках уголовно-процессуальной доктрины условия и правовые последствия применения мер пресечения подлежат дифференциации на общие и специальные, формируя тем самым комплексную систему нормативных ориентиров для принятия соответствующих процессуальных решений» [17, с. 142]. Общие условия, закрепленные в законодательных положениях, составляют нормативно-правовую базу для реализации мер процессуального принуждения, устанавливая фундаментальные принципы их применения, тогда как специальные условия определяют особенности использования конкретных ограничительных мер в зависимости от специфики уголовного дела и характеристик личности обвиняемого (подозреваемого). Такая двухуровневая система критериев обеспечивает баланс между унифицированным подходом к применению мер пресечения и необходимостью индивидуализации процессуальных решений с учетом конкретных обстоятельств каждого уголовного дела.

Как отмечает И.Д. Мальцагов, «к числу фундаментальных предпосылок относятся: процессуально оформленное возбуждение уголовного дела, необходимость проведения следственных действий, наличие конкретного субъекта применения меры пресечения (обвиняемого или подозреваемого), а также

достаточная доказательственная база, подтверждающая обоснованность ограничения процессуального статуса лица. Данная система условий формирует юридический фундамент для правомерного ограничения конституционных прав личности в рамках уголовного преследования» [17, с. 142].

И.М. Горбатов на основе проведенного анализа отмечает, что «под основаниями избрания меры пресечения судом следует понимать имеющиеся в уголовном деле доказательства, которые свидетельствуют о том, что обвиняемый или подозреваемый может: 1) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; 2) продолжить заниматься преступной деятельностью; 3) угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства; 4) уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. В качестве оснований также выступает необходимость обеспечить приговор суда или возможную выдачу обвиняемого по запросу» [8, с. 58].

«В уголовно-правовой сфере обсуждается вопрос о классификации оснований для назначения мер пресечения. Некоторые юристы выделяют материально-правовые и процессуальные основания, отмечая их тесную взаимосвязь. Однако нет единого мнения относительно того, какие обстоятельства следует рассматривать как материально-правовые. Некоторые считают, что уголовно-правовые признаки присутствуют как необходимые условия, а не основания для избрания мер пресечения, в то время как другие ученые предлагают группировать основания и меры пресечения в зависимости от цели принуждения» [8, с. 58].

И.М. Горбатов основания избрания меры пресечения делит на две группы: «уголовно-правовые (фактические); процессуальные, которые формируются на основе норм материального права и находятся с ними в тесной взаимосвязи» [8, с. 59].

Развивая научную позицию указанного автора, представляется необходимым осуществить детализированный анализ рассматриваемых оснований.

Уголовно-правовые (фактические) основания применения мер пресечения

представляют собой систему объективных критериев, отражающих как характеристики инкриминируемого деяния, так и индивидуальные особенности личности субъекта уголовного преследования.

Во-первых, первостепенным элементом данной системы выступает установление юридически значимых обстоятельств совершения преступления, включающее два взаимосвязанных аспекта: наличие совокупности доказательств, подтверждающих факт противоправного деяния, и его точную квалификацию в соответствии с нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанные обстоятельства образуют фундаментальную основу для последующего принятия процессуального решения о необходимости ограничения правового статуса обвиняемого (подозреваемого).

Во-вторых, «уголовно-правовые основания включают наличие лица, причастного к совершению преступления. Важно выявить лицо, которое может быть подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, и связанные с ними обстоятельства» [8, с. 59].

В-третьих, в системе уголовно-правовых критериев привлечения к ответственности принципиальное значение имеет достижение лицом установленного законодательством возраста уголовной ответственности, который представляет собой неотъемлемый элемент правосубъектности и обязательное условие для возможности применения мер уголовно-правового воздействия.

Одновременно уголовно-правовая доктрина признает в качестве существенного квалифицирующего признака состояние вменяемости лица в момент совершения инкриминируемого деяния, предполагающее наличие у субъекта способности к когнитивно-волевой регуляции поведения, включающей осознание фактического характера и общественной опасности совершаемых действий (бездействия) и возможность произвольного контроля над ними. Эти взаимосвязанные критерии образуют фундаментальную основу для признания лица субъектом уголовной ответственности, отражая антрополого-правовые принципы уголовного права.

«Указанные уголовно-правовые характеристики формируют

фундаментальную основу для определения процессуальных оснований применения мер пресечения, поскольку именно они обуславливают саму возможность привлечения лица к уголовной ответственности и, как следствие, определяют правомерность ограничения его процессуального статуса в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Таким образом, данные признаки выполняют системообразующую функцию в механизме уголовного преследования, являясь отправной точкой для принятия всех последующих процессуальных решений в отношении подозреваемого или обвиняемого» [8, с. 57].

«Что касается процессуальных оснований, они проявляются в конкретных процессуальных действиях и документах, регулируемых законами уголовно-процессуального права. Процессуальные основания включают в себя постановку лица в статус обвиняемого или подозреваемого, а также наличие доказательств, подтверждающих его причастность к преступлению и вероятность наступления последствий, предусмотренных процессуальными нормами» [8, с. 58].

Следует особо отметить, что системное взаимодействие уголовно-правовых и процессуальных оснований формирует целостный критериальный комплекс, играющий детерминирующую роль в процессе избрания мер пресечения, поскольку именно их взаимодополняющее сочетание обеспечивает всестороннюю оценку как характера и степени общественной опасности инкриминируемого деяния, так и процессуальных рисков, связанных с конкретным участником уголовного судопроизводства. Данная система обеспечивает соблюдение принципов материального и процессуального права, создавая необходимый баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности в уголовном судопроизводстве. Взаимосвязь уголовно-правовых и процессуальных оснований образует комплексную систему правового регулирования мер процессуального принуждения, где первые детерминируют принципиальную возможность их применения, а вторые регламентируют конкретные условия и процедурный порядок реализации. Такой дуалистический подход обеспечивает соблюдение принципа соразмерности ограничений, гарантируя, с одной стороны,

соответствие избираемых мер характеру и степени общественной опасности инкриминируемого деяния (уголовно-правовой аспект), а с другой - соблюдение установленных процессуальных гарантий на всех стадиях уголовного судопроизводства (процессуальный аспект). Данная система критериев выполняет важную сдерживающую функцию, предотвращая как необоснованное применение мер пресечения, так и произвольное ограничение прав и свобод личности в уголовном процессе.

И.Д. Мальцагов отмечает, что «при выборе домашнего ареста в качестве меры ограничения прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого) следователь должен учитывать следующие аспекты:

- предполагаемую степень тяжести преступления согласно классификации преступлений, основанной на характере и степени общественной опасности деяния;
- личностные характеристики обвиняемого, включая психологические особенности, наличие судимостей и рецидивов;
- возраст и состояние здоровья обвиняемого;
- семейный статус и наличие постоянной работы;
- возможность скрыться от суда и следствия;
- готовность обвиняемого сотрудничать с раскрытием дела.

Следует отметить, что отказ обвиняемого от дачи показаний не должен являться основанием для применения более строгих мер пресечения, так как это является его правом» [17, с. 142].

Исследователь отмечает, что «домашний арест рассматривается и применяется как мера ограничения только в тех случаях, когда существует основание полагать, что более мягкие меры контроля не обеспечат соответствующего поведения обвиняемого и его участие в расследовании. Процесс выбора и применения мер пресечения должен строго соответствовать уголовно-процессуальному законодательству и являться логическим следствием рассмотрения обстоятельств дела» [17, с. 142].

Ключевыми критериями избрания данной меры пресечения выступают:

объективная необходимость изоляции лица от общества, подтвержденная совокупностью доказательств по уголовному делу; неэффективность более мягких мер пресечения в конкретных правовых обстоятельствах; а также соответствие избираемой меры принципу соразмерности, закреплённому в нормах уголовно-процессуального права. В системе мер процессуального принуждения домашний арест занимает промежуточное положение между подпиской о невыезде и заключением под стражу, что отражает реализацию принципа дифференцированного подхода к ограничению правового статуса участников уголовного судопроизводства и обеспечивает баланс между необходимостью изоляции и степенью ограничения прав личности.

И.М. Горбатов резюмирует, что «под основаниями избрания домашнего ареста следует понимать достаточную совокупность доказательств, достоверно подтверждающих: 1) факт наступления события преступления, его вид и тяжесть; 2) степень общественной опасности лица, обвиняемого (подозреваемого) в его совершении; 3) высокую вероятность наступления будущих событий, указанных в ч. 2 ст. 97 УПК РФ; 4) возможность избежать указанных последствий без помещения обвиняемого (подозреваемого) в учреждение уголовно-исполнительной системы; 5) невозможность избрания более мягкой меры пресечения» [8, с. 60].

«Следует отметить, что помимо наличия оснований важно принимать во внимание условия избрания меры пресечения. Основания должны побуждать ведущее расследование лицо к действию, а условия обеспечивать учет наиболее значимых с точки зрения законодателя факторов.

Условия для назначения мер пресечения можно разделить на две группы: общие, которые применяются при выборе любой меры, и специальные, которые необходимы для конкретной меры, учитывая особенности её применения к определённым категориям лиц.

Специфика избрания домашнего ареста, по мнению большинства учёных, включает следующие аспекты: указание в уголовном законе на наказание в виде лишения свободы свыше двух лет за совершённое преступление, наличие жилья у

обвиняемого, а также наличие компетентного органа или должностного лица, осуществляющего надзор за поведением обвиняемого» [8, с. 60].

Необходимо подчеркнуть, что «специальные условия применения домашнего ареста в качестве меры пресечения формируются на основе комплексного анализа обстоятельств, предусмотренных статьей 99 УПК РФ, которые включают: тяжесть предъявленного обвинения; данные о личности подозреваемого или обвиняемого; его возраст и состояние здоровья; род занятий; семейное положение; иные значимые факторы, позволяющие суду определить соразмерность и необходимость избрания именно данной меры пресечения. Данные критерии обеспечивают индивидуализацию процессуального решения и соблюдение баланса между интересами правосудия и правами личности в уголовном судопроизводстве» [8, с. 59].

И.М. Горбатов отмечает, что «условия применения домашнего ареста включают в себя разнообразные уголовно-процессуальные и фактические обстоятельства, которые должны быть учтены при принятии решения об этой мере пресечения. Эти условия тесно связаны с основаниями избрания домашнего ареста и применяются только в случае их наличия. В частности, они включают:

- обстоятельства, в связи с которыми невозможно применение более мягкой меры пресечения, согласно части 1 статьи 107 УПК РФ;
- обстоятельства, исключающие применение более строгой меры пресечения, такой как заключение под стражу, согласно части 1 статьи 108 УПК РФ;
- наличие жилого помещения, где обвиняемый проживает, в качестве собственника, нанимателя либо на других законных основаниях;
- характеристики личности обвиняемого, такие как состояние здоровья, возраст и другие;
- возможность обеспечить жизнедеятельность обвиняемого в условиях изоляции, что включает в себя доступ к необходимым товарам и услугам;
- согласие совместно проживающих с обвиняемым лиц на применение домашнего ареста» [8, с. 60].

Установленная совокупность оснований и условий применения данного процессуального института создает необходимую методологическую базу для последующего анализа процессуального порядка его реализации, включающего последовательность процедурных действий участников уголовного судопроизводства, требования к содержанию и форме судебного решения, а также механизмы обеспечения законности и обоснованности избираемой меры пресечения. Такой последовательный подход к исследованию позволяет обеспечить целостное понимание правовой природы домашнего ареста как многоаспектного института уголовно-процессуального права, сочетающего ограничительную функцию с системой процессуальных гарантий.

2.2 Процессуальный порядок избрания домашнего ареста

Итак, рассмотрим порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Как было отмечено выше, ст. 107 УПК РФ определяет, что домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля [27].

Следует обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 г. Москва "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога", которое уточняет порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Согласно п. 37 постановления, «в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо указывать жилое помещение, в котором подозреваемому или обвиняемому надлежит находиться.

Суд вправе определить лицу для нахождения только такое жилое помещение, в котором оно проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (часть 1 статьи 107 УПК РФ). В связи с этим суду необходимо проверять основания проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста. Например, при проживании лица в жилом помещении по договору найма следует проверить наличие договора найма жилого помещения, соответствующего требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации и Жилищного кодекса Российской Федерации, а также срок действия договора; в случае временной регистрации лица на территории Российской Федерации надлежит проверить соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации» [20].

«Под жилым помещением для целей статьи 107 УПК РФ понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям» [20].

Постановление определяет «рекомендовать судам при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста привлекать к участию в судебном заседании собственника жилья, если он проживает в том помещении, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, и получить на это его согласие, а также привлекать к рассмотрению данного вопроса представителя лечебного учреждения, в котором проходит курс лечения подозреваемый или обвиняемый, и получить его согласие на нахождение подозреваемого или обвиняемого в период домашнего ареста в лечебном учреждении» [20].

«При этом суду следует проверить наличие полномочия у представителя лечебного учреждения на дачу такого согласия. В случае несогласия собственника жилья или представителя лечебного учреждения мера пресечения в виде

домашнего ареста по этим адресам не может быть избрана судом» [20].

«Если жилое помещение, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, располагается за пределами муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование, домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки, в частности не препятствует обеспечению доставления лица в орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд» [20].

Если судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста затрагивает права и законные интересы других лиц, проживающих в том же жилом помещении, они вправе обжаловать его в установленном законом порядке.

Следует отметить, что на практике зачастую меру пресечения в виде заключения под стражу заменяют на домашний арест. Так, согласно ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. То есть заключение под стражу применяется только в случаях, когда назначить более мягкую меру пресечения невозможно.

Рассмотрим пример – выдержку из Постановления Чаа-Хольского районного суда Республики Тыва № 1-22/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 1- 22/2021: «В соответствии с ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ суд с учетом данных о личности подсудимого, рода его деятельности и других обстоятельств, вправе по собственной инициативе избрать меру пресечения в виде домашнего ареста.

Только лишь тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется ФИО2, не может служить достаточным основанием для продления в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако, учитывая, что одним из оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу являлось, что подсудимый скрылся от суда, что рассмотрение уголовного дела по существу

не начато, суд считает необходимым изменить в отношении Мааты-оола Р.М. избранную меру пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест. При изменении в отношении Мааты-оола Р.М. меры пресечения на домашний арест, суд принимает во внимание личность подсудимого, имеющего постоянное место жительства, характеристики по месту жительства, согласие собственника жилого помещения, являющейся супругой подсудимого.

По мнению суда, мера пресечения в виде домашнего ареста, которая ограничивает свободу передвижения, исключит возможность Мааты-оола Р.М. скрыться от суда. Домашний арест устанавливается по фактическому месту проживания подсудимого с ограничением свободы передвижения вне жилого дома, а также запрета получать и отправлять корреспонденцию и использования средств связи.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 107, 110, 255 УПК РФ, суд постановил избранную в отношении подсудимого Мааты-оола Р.М. меру пресечения в виде заключения под стражу изменить на меру пресечения в виде домашнего ареста по месту его жительства сроком на 02 месяца, по 07 сентября 2021 года.

На основании ч.7 ст.107 УПК РФ запретить Мааты-оолу Р.М.: выходить за пределы жилого помещения, расположенного по адресу: ***; отправлять и получать почтово-телеграфные оправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Освободить из-под стражи Мааты-оола Р.М. немедленно» [22].

В соответствии со ст. 107 УПК РФ, домашний арест избирается на срок до двух месяцев. Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей 109 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных ст. 107 УПК РФ [27].

В срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей. Совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей независимо от того, в какой последовательности данные меры пресечения применялись, не должен превышать предельный срок содержания под стражей, установленный статьей 109 УПК РФ [27].

Домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных ст. 107 УПК РФ [27].

Анализ пункта 36 рассматриваемого постановления свидетельствует о том, что процедура судебного избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения осуществляется в порядке, аналогичном установленному статьей 108 УПК РФ для случаев применения заключения под стражу, что находит прямое нормативное закрепление в части 3 статьи 107 УПК РФ. Однако существенным процессуальным отличием выступает отсутствие применимости к домашнему аресту критериев, связанных с видом и размером потенциального наказания, которые в соответствии с частью 1 статьи 108 УПК РФ являются обязательными условиями для избрания заключения под стражу, но не содержатся в нормах статьи 107 УПК РФ, специально регулирующей данный вид меры пресечения [20]. Указанная законодательная диспозиция демонстрирует дифференцированный подход к правовому регулированию различных видов мер процессуального принуждения, подчеркивая автономный характер правового режима домашнего ареста как самостоятельной меры пресечения, не связанной формальными ограничениями в виде санкции применяемой уголовно-правовой нормы. Данное обстоятельство позволяет рассматривать домашний арест как более гибкий инструмент процессуального реагирования, применение которого обусловлено не формальными критериями тяжести инкриминируемого деяния, а комплексной оценкой процессуальных рисков и обстоятельств конкретного уголовного дела.

Так, в соответствии со ст. 108 УПК РФ, «при необходимости избрания меры пресечения следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее

ходатайство. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в данной мере пресечения и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства» [27].

Постановление о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель.

Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого [27]. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск [27].

В начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор либо по его поручению лицо, возбуждившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица [27].

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста;
- об отказе в удовлетворении ходатайства [27].

При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении

подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ, вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога [27].

В соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, судебное постановление об избрании домашнего ареста подлежит направлению субъектам уголовного процесса, включая инициатора ходатайства, прокурора, уполномоченный контролирующий орган по месту исполнения меры пресечения (уголовно-исполнительную инспекцию), а также непосредственно подозреваемого или обвиняемого, с последующим немедленным приведением в исполнение [27].

Данный процессуальный порядок получил конкретизацию в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где особо подчеркивается, что направление судебного акта должно осуществляться всем указанным участникам процесса, включая уголовно-исполнительную инспекцию как специализированный контролирующий орган, с безусловным соблюдением требования о немедленной реализации принятого решения, что соответствует положениям части 6 статьи 107 УПК РФ [20]. Такая регламентация обеспечивает системное взаимодействие между судебными, следственными и исполнительными органами в процессе реализации данной меры процессуального принуждения.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить запреты, предусмотренные п.п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в том числе:

- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно- телекоммуникационную сеть «Интернет» [27].

В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических

обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем представленным выше запретам либо некоторым из них. Запреты могут быть изменены судом по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, его защитника, законного представителя, а также следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело. Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, со следователем. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган [27].

Особое внимание надлежит обращать на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не достигших 18 лет, - на их возраст, условия жизни и воспитания, особенности личности, влияние на них старших по возрасту лиц, в том числе их законных представителей.

«Суд не вправе подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам и (или) ограничениям, не предусмотренным частью 7 статьи 107 УПК РФ.

В решении об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд должен указать вид и пределы налагаемых на лицо ограничений и (или) запретов.

При ограничении выхода за пределы жилого помещения, где подозреваемый или обвиняемый проживает, суду следует перечислить случаи, в которых лицу разрешено покидать пределы жилого помещения (например, для прогулки, для посещения учебного заведения), и указать время, в течение которого лицу разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (например, для посещения школы во время учебных занятий, для прогулки в определенное время), и (или) случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (например, в ночное или иное время, при проведении массовых мероприятий или некоторых из них).

Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен указать данные, позволяющие

идентифицировать этих лиц» [25, с. 124].

При запрете на пользование средствами связи или ограничении в их использовании суду следует разъяснить подозреваемому, обвиняемому его право на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем и необходимость информировать контролирующий орган о каждом таком звонке (часть 8 статьи 107 УПК РФ).

Введение ограничений на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, а также на использование средств связи при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требует отдельного судебного решения в порядке, предусмотренном статьей 165 УПК РФ, поскольку данные ограничения являются составной частью рассматриваемой меры пресечения.

«В случае установления запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» судебному органу необходимо конкретизировать исключительные обстоятельства, при которых допускается временное снятие данного ограничения, такие как необходимость образовательной коммуникации между обвиняемым (подозреваемым) и учебным заведением в случае его статуса как учащегося указанного учреждения. Подобная детализация способствует соблюдению баланса между обеспечением целей уголовного судопроизводства и защитой прав личности в условиях применения ограничительных мер» [7, с. 248].

Так, например, «постановлением Лермонтовского городского суда от 22.08.2023 мера пресечения обвиняемому ФИО1 оставлена без изменения в виде домашнего ареста с установленными ранее Ленинским районным судом г. Ставрополя ограничениями:

- не покидать место жительства по адресу: <данные изъяты>, без разрешения контролирующего органа, за исключением случаев посещения учреждений здравоохранения для получения медицинской помощи, при наличии соответствующих оснований, а также случаев,

- угрожающих жизни и здоровью обвиняемому ФИО1, о чем немедленно информировать контролирующий орган;
- не общаться с участниками производства по уголовному делу, в рамках которого избрана мера пресечения, за исключением адвоката, а также близких родственников, круг которых определен в п. 4 ст. 5 УПК РФ;
 - запретить ведение переговоров с использованием любых средств связи и информационно-коммуникационной сети «Интернет», за исключением переговоров с защитником, а также случаев возникновения необходимости вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, а также для общения с контролирующим органом, информировать контролирующий орган о каждом таком звонке;
 - запретить получать и отправлять корреспонденцию с использованием любых средств связи, за исключением случаев сообщения с органами суда и защитником» [3].

Постановление Каякентского районного суда Республики Дагестан № 1-124/2023 от 28 ноября 2023 г. по делу № 1-124/2023 постановило «продлить подсудимому ФИО1, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст.111 УК РФ, меру пресечения в виде домашнего ареста с нахождением его в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживет, по адресу: <адрес>, сроком на 3 (три) месяца, т.е. до ДД.ММ.ГГГГ, с сохранением ранее наложенных запретов: выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника; общаться со свидетелями по настоящему уголовному делу, а также с иными лицами, обладающими информацией о ходе расследования уголовного дела и которым могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела за исключением общения с защитником; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»» [19].

В теории и на практике зачастую возникал вопрос о праве на ежедневные прогулки, так как не все суды определяли такую возможность [13, с. 243]. Как отмечает Е.С. Бутакова, «редакция УПК РФ от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ ужесточила домашний арест, введя полный запрет на покидание пределов жилого помещения подозреваемым (обвиняемым). Ранее домашний арест заключался в «полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении». Законодатель вычеркнул слова «полной либо частичной», оставив лишь «изоляции», соответственно, на сегодняшний день лицам, заключенным под домашний арест, запрещается любой выход на улицу, что противоречит ч. 1 ст. 41 Конституции РФ [14] об охране здоровья. Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 127 УИК РФ даже лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, имеют право на ежедневную прогулку» [7, с. 248].

Ситуация изменилась после принятия Конституционным судом постановления от 22.03.2018 № 12-П, где определено, что суд может указать на возможность совершения таких прогулок [18].

Примером может служить Постановление Северного районного суда г. Орла № 1-167/2021 от 23 июля 2021 г. по делу № 1-167/2021, который постановил «в соответствии с ч.7 ст.107 УПК РФ запретить ФИО1 ФИО9 следующее:

- покидать и менять место домашнего ареста, расположенное по адресу: <адрес>, <адрес>, <адрес>, без письменного разрешения следователя, и контролирующего органа, за исключением ежедневных прогулок в течение 1 (один) часа, утром с 09 часов 00 минут до 10 часов 00 минут на территории, прилегающей к дому, но не далее 500 метров от <адрес> в <адрес>, посещения учреждений здравоохранения для получения медицинской помощи, при наличии соответствующих оснований, с разрешения лиц, осуществляющих производство по уголовному делу и контролирующего органа;
- общение с лицами, проходящими по настоящему уголовному делу в качестве свидетелей, обвиняемых и подозреваемых за исключением защитника - адвоката, встречи с которым должны проходить по месту

домашнего ареста и производства следствия по уголовному делу, и близких родственников;

- вести переговоры с использованием средств связи, включая стационарные и мобильные телефоны, электронной почты, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; по обстоятельствам, касающимся расследования настоящего уголовного дела, за исключением использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом и следователем. О каждом таком звонке обвиняемый должен информировать контролирующий орган.
- отправлять и получать посылки, бандероли, письма, телеграммы, за исключением корреспонденции, связанной с осуществлением прав участника судопроизводства по уголовному делу» [21].

Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных на него судом запретов осуществляется в порядке, установленном ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ [27].

В исключительных случаях, когда состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого требует госпитализации в медицинское учреждение, установленные судом ограничения сохраняют свою юридическую силу до принятия соответствующего судебного решения об их модификации или отмене, при этом территориальные границы исполнения меры пресечения автоматически распространяются на пределы лечебного учреждения, куда помещен указанный субъект уголовного процесса [27].

Данные положения обеспечивают непрерывность процессуального контроля независимо от изменения места нахождения лица, в отношении которого применена мера пресечения.

При этом законодатель обеспечивает гарантии реализации права на защиту и

квалифицированную юридическую помощь для лиц, в отношении которых применена данная мера пресечения, устанавливая особый порядок организации встреч с защитниками и законными представителями непосредственно в месте отбывания домашнего ареста. Аналогичный механизм применяется при необходимости совершения нотариальных действий, включая удостоверение доверенностей для представления интересов в сфере предпринимательской деятельности, что позволяет обеспечить разумный баланс между соблюдением установленных ограничений и реализацией фундаментальных процессуальных прав личности [27]. Такая правовая регламентация создает необходимые условия для полноценной защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых без нарушения предписанного режима меры пресечения, что соответствует конституционным принципам справедливого правосудия и соразмерности ограничений.

О.А. Арутюнян, И.В. Мисник отмечают, что «домашний арест предполагает постоянное наблюдение, призванное гарантировать физическое соблюдение условий, назначенных осужденному» [5, с. 234].

«При выявлении нарушений условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, проявляющихся в несоблюдении установленных ограничений, отказе от использования технических средств контроля либо умышленных действиях, направленных на их повреждение, уничтожение или вывод из строя (включая аудиовизуальные, электронные и иные специализированные устройства мониторинга), судебный орган уполномочен - на основании мотивированного ходатайства следователя (дознателя) в ходе предварительного расследования либо представления контролирующего органа в период судебного производства - принять решение о применении более строгой меры процессуального принуждения» [5, с. 234]. Данный правовой механизм обеспечивает эффективность применения домашнего ареста как меры пресечения, создавая действенные правовые последствия для случаев нарушения установленного режима, что способствует поддержанию необходимого баланса между обеспечением прав участников уголовного судопроизводства и достижением целей уголовного

преследования. В рамках рассматриваемой правовой конструкции такое ужесточение предполагает замену домашнего ареста на заключение под стражу как более строгую меру пресечения, что обусловлено необходимостью обеспечения надлежащего уровня контроля за поведением лица, в отношении которого осуществляются уголовно-процессуальные принудительные меры, и предотвращения возможных процессуальных нарушений. Данная мера выступает процессуальной санкцией за невыполнение установленных судом ограничений и гарантирует эффективность уголовного судопроизводства.

Если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения возникает в суде, то решение об этом принимает суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе, о чем выносится определение или постановление [27].

Таким образом, представим выводы по результатам второй главы исследования.

Меры пресечения в системе уголовного судопроизводства выполняют ключевую системообразующую функцию, обеспечивая реализацию норм материального и процессуального права, предотвращая возможные препятствия для установления объективной истины по делу и поддерживая правопорядок в ходе уголовного процесса. Теоретико-правовой анализ института мер пресечения позволяет выделить две взаимосвязанные, но методологически дифференцированные группы оснований их применения: уголовно-правовые (материально-правовые) и процессуальные. К первой категории относятся фундаментальные материально-правовые предпосылки, включающие установление в деянии признаков состава преступления, достоверную идентификацию лица как субъекта преступного деяния, достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности и подтверждение состояния вменяемости в момент совершения инкриминируемого деяния. Вторую группу образуют процессуальные основания, нормативно закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве, которые включают: формальное наделение лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого;

наличие достаточной совокупности доказательств, обосновывающих его причастность к совершению преступления; а также аргументированное предположение о вероятности наступления негативных процессуальных последствий (уклонение от органов следствия и суда, воспрепятствование производству по уголовному делу, продолжение преступной деятельности) в случае неприменения мер процессуального принуждения. Данная система оснований формирует комплексный критериальный механизм, обеспечивающий законность и обоснованность применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Данная система оснований формирует комплексный критериальный механизм, обеспечивающий законность и обоснованность применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

В рамках уголовно-процессуального регулирования условия избрания мер пресечения образуют многоуровневую систему правовых критериев, дифференцируемых на общие и специальные. Общие условия, обладающие универсальным характером, формируют нормативную базу для применения любой из предусмотренных законодательством мер пресечения, устанавливая фундаментальные требования, обязательные для всех видов процессуального принуждения. Специальные же условия, отражая специфику отдельных мер пресечения, детализируют порядок их применения в отношении конкретных категорий участников уголовного судопроизводства, учитывая особенности их правового статуса, характер инкриминируемого деяния и иные значимые обстоятельства. Такая двухуровневая система критериев обеспечивает дифференцированный подход к выбору мер процессуального принуждения, сочетая единые правовые стандарты с необходимостью индивидуализации при их применении.

В отношении домашнего ареста как особой меры пресечения специальные условия включают: наличие у обвиняемого (подозреваемого) постоянного места проживания, обеспечивающего возможность изоляции; существование системы эффективного контроля за соблюдением установленных ограничений; а также совокупность иных значимых обстоятельств, подлежащих учету при принятии

процессуального решения.

Процедура избрания домашнего ареста как меры пресечения представляет собой сложный правоприменительный механизм, детально регламентированный нормами уголовно-процессуального законодательства и предполагающий последовательное осуществление установленной совокупности процессуальных действий.

Принятие судебного решения о применении домашнего ареста как меры процессуального принуждения осуществляется на основе комплексного анализа системы взаимосвязанных критериев, включающих: характер и степень общественной опасности инкриминируемого деяния, индивидуальные характеристики личности обвиняемого (социальный статус, имущественное положение, семейные обстоятельства), а также криминологически обоснованный прогноз потенциального противоправного поведения.

Судебный акт, устанавливающий данную меру пресечения, должен содержать развернутое мотивированное обоснование, строго соответствующее основополагающим принципам уголовного судопроизводства - законности (соблюдение нормативных предписаний), соразмерности (адекватность ограничений тяжести предполагаемого правонарушения) и справедливости (баланс публичных и частных интересов), что обеспечивает правовую обоснованность ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе.

При этом особую значимость приобретает формирование эффективного механизма контроля за соблюдением установленных ограничений, который должен обеспечивать баланс между достижением целей уголовного преследования и защитой правовых гарантий лица, подвергнутого данной мере пресечения. Такой подход позволяет рассматривать домашний арест как сложный правовой институт, сочетающий ограничительную функцию с системой процессуальных гарантий прав личности.

Реализация указанных положений способствует оптимизации механизма уголовно-процессуального принуждения при сохранении необходимых гарантий прав личности.

Глава 3 Проблемы процессуальной регламентации и применения домашнего ареста и предложения по их решению

В рамках настоящей главы предполагается провести анализ ключевых проблемных аспектов, связанных с применением меры пресечения в виде домашнего ареста, и разработать научно обоснованные предложения по их разрешению.

Особую актуальность в правоприменительной практике приобретает вопрос, касающийся необходимости получения согласия собственника жилого помещения на пребывание в нем лица, в отношении которого избрана указанная мера пресечения. Как справедливо отмечает И.С. Исанбаев [9, с. 27], данная проблема имеет сложную структуру и требует дифференцированного подхода к ее рассмотрению.

Принципиальное значение приобретает обеспечение баланса интересов всех участников уголовного судопроизводства, в связи с чем получение добровольного и осознанного согласия собственника жилого помещения должно рассматриваться в качестве обязательного условия применения домашнего ареста, поскольку именно этот фактор обеспечивает как эффективность контроля за соблюдением установленных ограничений, так и необходимый уровень безопасности при реализации данной меры процессуального принуждения. Указанный подход соответствует современным тенденциям развития уголовно-процессуального законодательства, направленным на оптимизацию механизмов защиты прав личности в условиях применения мер процессуального принуждения.

Проблематика получения согласия собственника жилого помещения на размещение лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, представляет собой предмет научной дискуссии и неоднозначного толкования в правоприменительной практике.

В контексте данного вопроса принципиальное значение приобретает нормативное определение понятия «жилое помещение», закрепленное в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 от

19 декабря 2013 года, где под таковым понимается индивидуальный жилой дом, квартира либо иное изолированное помещение, предназначенное и пригодное для постоянного или временного проживания [20]. Указанная дефиниция имеет определяющее значение для правовой квалификации места исполнения меры пресечения, поскольку устанавливает объективные критерии пространственной локализации при применении домашнего ареста, что в свою очередь влияет на процессуальный порядок реализации данной меры принуждения и соблюдение прав всех заинтересованных сторон.

В рамках уголовно-процессуального регулирования избрание меры пресечения в виде домашнего ареста может осуществляться по двум альтернативным процессуальным основаниям: либо на основании мотивированного ходатайства следователя (дознавателя), либо по собственной инициативе суда, однако в обоих случаях обязательным условием правомерности принятия такого решения выступает проведение комплексной оценки жилищных условий лица, в отношении которого избирается мера пресечения, а также получение надлежащим образом оформленного согласия собственника жилого помещения (при условии, что таковой не обладает правом собственности на указанное жилье), что в совокупности обеспечивает соблюдение принципа соразмерности ограничения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

Анализ правоприменительной практики выявляет существенные процессуальные сложности, связанные с получением такого согласия, особенно в ситуациях фактического отсутствия собственника или его нахождения за пределами юрисдикции Российской Федерации, что объективно вынуждает судебные инстанции при принятии решения основываться на субъективных заверениях подозреваемого о характере взаимоотношений с владельцем жилого помещения. Данная правовая коллизия свидетельствует о необходимости совершенствования нормативного регулирования порядка получения согласия собственника, включая разработку механизмов дистанционного подтверждения волеизъявления и установления правовых последствий при невозможности его

получения. Подобная ситуация создает существенные процессуальные риски, связанные с возможностью злоупотреблений и снижением эффективности контроля за исполнением меры пресечения.

Указанные обстоятельства актуализируют необходимость совершенствования нормативной базы посредством разработки четких процедурных механизмов, включающих альтернативные способы фиксации согласия собственника (письменные уведомления, электронные формы подтверждения) либо расширение круга лиц, уполномоченных давать такое согласие (члены семьи, совместно проживающие лица), что позволит обеспечить баланс между интересами правосудия и защитой прав участников уголовного процесса.

Проблемные аспекты реализации меры пресечения в виде домашнего ареста обуславливают необходимость не только законодательного совершенствования соответствующего нормативного регулирования, но и требуют комплексного теоретического осмысления в контексте судебной практики и уголовно-правовой доктрины, что позволит выработать системные подходы к устранению существующих правовых коллизий и обеспечению эффективного функционирования данного института процессуального принуждения. Действующее законодательство не содержит прямых предписаний относительно обязательности получения согласия собственников или иных лиц, совместно проживающих с подозреваемым (обвиняемым), что создает правовую неопределенность в процессе применения данной меры процессуального принуждения.

Указанная проблематика затрагивает фундаментальные вопросы защиты правового статуса различных субъектов: с одной стороны, собственники жилых помещений обладают конституционным правом на неприкосновенность собственности и участие в принятии решений, непосредственно затрагивающих их имущественные интересы; с другой стороны, обвиняемые (подозреваемые) имеют право на справедливое судебное разбирательство, предполагающее соразмерность ограничений и обеспечение процессуальных гарантий защиты. Данная коллизия

правовых интересов требует поиска оптимального баланса между необходимостью эффективного уголовного преследования и соблюдением принципов уважения частной собственности и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Отсутствие законодательно установленного порядка определения субъекта, уполномоченного предоставлять документальное подтверждение согласия собственника или иных проживающих лиц при применении домашнего ареста в качестве меры пресечения, создает существенные пробелы в правовом регулировании данного института, что актуализирует потребность в проведении фундаментальных научных исследований указанной проблемы с последующим закреплением соответствующих процедурных механизмов в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Выдвигаемое в научной литературе предложение о возложении данной обязанности на защитника обвиняемого, хотя и обладает определенной логикой, учитывая его процессуальный статус как представителя интересов подзащитного, вместе с тем порождает ряд процессуальных сложностей, поскольку может привести к конфликту интересов и необоснованному расширению полномочий защитника за пределы, установленные уголовно-процессуальным законом.

Проведенный анализ выявляет систему взаимосвязанных проблемных аспектов, имеющих принципиальное значение для совершенствования правоприменительной практики: необходимость законодательного закрепления четкой процедуры получения и документального оформления согласия собственника жилого помещения; обеспечение баланса между мерами процессуального принуждения и защитой имущественных и личных неимущественных прав владельца жилого помещения; разработку эффективного механизма контроля за соблюдением установленного режима домашнего ареста; а также нормативное регулирование правовых последствий отзыва ранее данного согласия на пребывание подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении. Данные вопросы требуют комплексного научного осмысления и последующей детализации в нормативно-правовых актах. Решение указанных вопросов требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательной базы с

выработкой единообразной судебной практики.

Институт домашнего ареста как меры процессуального принуждения в системе уголовного судопроизводства характеризуется дуалистической природой процессуальных оснований его избрания, которые могут реализовываться как посредством ходатайства следователя (дознателя), так и по судебной инициативе, при этом в обоих процессуальных формах неизменным остается требование о проведении всесторонней оценки жилищных условий лица, подлежащего ограничению, и необходимости получения юридически значимого согласия собственника жилого помещения (за исключением случаев, когда последний является правообладателем данного жилья), что в своей совокупности образует систему гарантий соблюдения принципа соразмерности при ограничении конституционных прав личности в уголовном процессе, обеспечивая баланс между публичными интересами правосудия и защитой индивидуальных прав участников уголовного судопроизводства.

Такая модернизация правового регулирования позволит устранить существующие правовые пробелы и коллизии, способствуя формированию единообразной судебной практики и укреплению гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства. Подобные законодательные новации будут способствовать минимизации потенциальных конфликтных ситуаций, повышению эффективности защиты прав участников процесса и созданию действенного механизма реагирования на их правозащитные инициативы. В исключительных случаях, когда получение согласия собственника объективно невозможно, предлагается предусмотреть судебный порядок разрешения данного вопроса, при котором суд, оценивая устные показания заинтересованных лиц и совокупность обстоятельств дела, будет правомочен принять взвешенное процессуальное решение, обеспечивающее баланс между интересами правосудия и защитой конституционных прав личности.

В целях совершенствования правового регулирования предлагается внести дополнение в часть 3 статьи 107 УПК РФ, предусматривающее обязательное документальное оформление согласия лиц, совместно проживающих с

подозреваемым (обвиняемым), которое должно содержать взятие на себя письменных обязательств: во-первых, не создавать препятствий для исполнения установленных судом ограничений, и во-вторых, не содействовать их нарушению. Такая нормативная регламентация будет способствовать повышению эффективности контроля за соблюдением режима домашнего ареста, обеспечению баланса прав всех участников процесса и минимизации рисков нарушения установленных судом запретов, что в конечном итоге усилит гарантии достижения целей уголовного судопроизводства.

Как справедливо замечает Е.С. Бутакова, «редакция УПК РФ от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ ужесточила домашний арест, введя полный запрет на покидание пределов жилого помещения подозреваемым (обвиняемым). Ранее домашний арест заключался в «полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении». Законодатель вычеркнул слова «полной либо частичной», оставив лишь «изоляции», соответственно, на сегодняшний день лицам, заключенным под домашний арест, запрещается любой выход на улицу, что противоречит ч. 1 ст. 41 Конституции РФ об охране здоровья. Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 127 УИК РФ даже лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, имеют право на ежедневную прогулку» [7, с. 248]. Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 22.03.2018 № 12-П, судебные органы обладают правом предусматривать возможность осуществления прогулок для лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Однако эмпирические данные свидетельствуют о несистемном характере реализации данного положения в правоприменительной практике, что приводит к неравному доступу подозреваемых и обвиняемых к осуществлению этого права.

Указанная проблематика приобретает особую актуальность в контексте обеспечения конституционных принципов гуманности и охраны здоровья, что обуславливает необходимость законодательной конкретизации соответствующих положений.

В этой связи представляется обоснованным предложение о дополнении

статьи 107 УПК РФ нормой, гарантирующей лицам, находящимся под домашним арестом, право на ежедневную двухчасовую прогулку, что будет способствовать унификации судебной практики, соблюдению принципа равенства всех перед законом и судом, а также обеспечению необходимых условий для сохранения физического и психического здоровья лиц, в отношении которых применена данная мера пресечения. Подобная законодательная инициатива соответствует международным стандартам обращения с лицами, подвергнутыми мерам процессуального принуждения, и направлена на оптимизацию механизма реализации конституционных прав личности в условиях ограничения свободы передвижения.

Анализ правоприменительной практики выявляет существенную проблему, связанную с применением меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном судопроизводстве, особенно в отношении преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Наблюдаемая в судебной практике неоднозначность обусловлена прежде всего отсутствием единообразного толкования положений части 3 статьи 107 УПК РФ, регулирующей порядок назначения данной меры пресечения. Несмотря на исключительно судебный характер её избрания, в правоприменительной деятельности сохраняются существенные расхождения в понимании того, распространяются ли на домашний арест специальные условия, исключающие применение заключения под стражу для отдельных категорий дел, включая экономические преступления. Сформировавшаяся правовая неопределенность, проявляющаяся в противоречивой судебной практике, актуализирует потребность как в законодательной конкретизации соответствующих положений, так и в их углубленном доктринальном анализе, что позволит выработать системные подходы к устранению существующих правовых коллизий.

Анализ судебной практики выявляет существенные проблемные аспекты применения домашнего ареста в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях экономической направленности, что наглядно демонстрирует прецедент по делу обвиняемого Г., привлеченного к уголовной ответственности по статье о

мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности. В данном случае суд первой инстанции, квалифицировав деяние как преступление против предпринимательской деятельности, избрал меру пресечения в виде домашнего ареста, однако апелляционная инстанция, проведя тщательный анализ фактических обстоятельств дела, установила отсутствие признаков предпринимательской деятельности в действиях обвиняемого, что повлекло изменение меры пресечения на заключение под стражу. Этот правоприменительный казус рельефно иллюстрирует существующие в судебной практике противоречия, связанные с квалификацией экономических преступлений и выбором адекватной меры процессуального принуждения, что актуализирует необходимость выработки единых подходов к толкованию признаков предпринимательской деятельности при избрании мер пресечения и формировании соответствующей правовой позиции высших судебных инстанций.

Другим показательным примером выступает дело обвиняемого П., в котором первоначально избранная мера пресечения в виде домашнего ареста после отмены содержания под стражей была заменена на более строгую ввиду систематического нарушения установленных ограничений.

Как справедливо отмечает в своих исследованиях И.М. Горбатов, подобные правоприменительные коллизии свидетельствуют о наличии глубинных противоречий в судебной интерпретации норм, регулирующих институт домашнего ареста. Серьезную проблему представляет отсутствие законодательно закрепленных дифференцированных критериев квалификации преступлений как связанных с предпринимательской деятельностью, что порождает правовую неопределенность и приводит к частой смене мер пресечения в ходе судебного разбирательства. Системное устранение указанных законодательных пробелов путем внесения соответствующих нормативных уточнений создало бы необходимые предпосылки для формирования единообразной судебной практики и обеспечения правовой определенности в вопросах применения данной меры процессуального принуждения, что в конечном итоге способствовало бы достижению должного баланса между интересами правосудия и защитой прав

участников уголовного судопроизводства.

«Согласно положениям части 1 статьи 107 УПК РФ, при наличии соответствующих медицинских показаний местом содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение, что предполагает учет состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого при избрании данной меры пресечения. Однако действующее законодательство содержит существенный пробел в регулировании, поскольку не устанавливает конкретных медицинских критериев состояния здоровья, необходимых для применения указанной нормы, а также не регламентирует процедуру их установления и документального подтверждения, что создает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение данного положения в правоприменительной практике» [8, с. 59].

«С другой стороны, согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 433-ФЗ, лица, страдающие тяжелыми заболеваниями, которые мешают их содержанию под стражей, не могут быть заключены под стражу. Однако отсутствует четкое регулирование медицинских критериев и порядка освидетельствования для определения таких заболеваний.

Таким образом, существует проблема, когда по медицинским показаниям заключение под стражу исключается, но возможность применения домашнего ареста отсутствует по другим причинам» [8, с. 60].

В целях совершенствования правового регулирования меры пресечения в виде домашнего ареста представляется целесообразным внести соответствующие дополнения в действующее законодательство. В целях устранения существующего нормативного пробела представляется необходимым законодательное закрепление исчерпывающего перечня нозологических форм и патологических состояний, наличие которых может служить медицинским основанием для определения специализированного лечебного учреждения в качестве места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого, что позволит унифицировать правоприменительную практику и обеспечить соблюдение принципа правовой определенности при реализации

данного процессуального института. Параллельно следует установить четкий регламент проведения медицинского освидетельствования, включающий процедуру подтверждения диагноза, требования к составу медицинской комиссии и порядок оформления медицинского заключения. Такие меры позволят унифицировать судебную практику и обеспечить соблюдение прав граждан при избрании данной меры пресечения.

«Существенным условием применения домашнего ареста является возможность обеспечения жизнеобеспечения обвиняемого, включая наличие источника дохода и физическую возможность приобретения необходимых товаров и услуг. Хотя суды фактически учитывают эти вопросы при рассмотрении дел, они не имеют явного законодательного закрепления. В 93% случаев родственники и совместно проживающие лица берут на себя соответствующие обязательства. Однако остается вопрос о применимости домашнего ареста к лицам без стабильного источника дохода.

Учитывая это, условия, связанные с обеспечением жизнеобеспечения обвиняемого, должны быть учтены при рассмотрении вопроса о домашнем аресте. Статья 99 УПК РФ, упоминающая «другие обстоятельства», может включать эти условия, но перечень не исчерпывается.

Кроме того, перечень обстоятельств, рассматриваемых при избрании домашнего ареста, может быть дополнен. Например, помимо указанных условий, могут рассматриваться обстоятельства, предусмотренные статьями УК РФ, а также наличие определенных заболеваний, таких как алкоголизм или наркомания, которые могут затруднить применение этой меры» [8, с. 60].

Следовательно, положения статьи 99 УПК РФ, оставляющие перечень таких обстоятельств открытым, являются обоснованными.

Современная правоприменительная практика испытывает значительные затруднения, связанные с отсутствием эффективного процессуального механизма продления срока домашнего ареста в ситуации обжалования решений о возвращении уголовного дела для проведения дополнительного расследования либо переоформления процессуальных документов, что обусловлено наличием

существенного пробела в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Сформировавшийся правовой вакуум в данной сфере настоятельно требует совершенствования нормативной базы, регулирующей порядок судебного рассмотрения вопросов об избрании и продлении указанной меры пресечения на досудебных стадиях производства, поскольку существующая неопределенность в процессуальных правилах не только порождает противоречивую судебную практику толкования соответствующих положений УПК РФ, но и создает предпосылки для принятия ошибочных судебных решений, подрывающих как принцип правовой определенности, так и гарантии защиты прав участников уголовного судопроизводства. В этой связи требуется законодательное закрепление детализированного алгоритма судебных действий при рассмотрении ходатайств о продлении домашнего ареста в указанных процессуальных ситуациях, что будет способствовать достижению единообразия судебной практики, обеспечению разумных сроков уголовного судопроизводства и соблюдению процессуальных гарантий прав участников уголовного процесса.

Низкая оперативность и недостаточная эффективность судебного рассмотрения вопросов о продлении срока домашнего ареста на стадии подготовки к судебному заседанию создают существенные процессуальные риски, включая необоснованную задержку производства по делу и нарушение гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права обвиняемого на судопроизводство в разумные сроки.

В целях устранения данных правовых дефектов требуется комплексное совершенствование законодательного регулирования, предполагающее четкую регламентацию процедуры продления меры пресечения при обжаловании решений о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования либо пересоставления процессуальных документов.

Параллельно необходимо институциональное реформирование судебной практики посредством разработки и внедрения специализированных административных процедур, направленных на оптимизацию сроков рассмотрения

соответствующих ходатайств. К числу таких мер следует отнести: установление законодательно закрепленных временных нормативов для рассмотрения вопросов о продлении мер пресечения; создание механизмов оперативного взаимодействия между судебными и правоохранительными органами; внедрение стандартизированных форм процессуальных документов.

Таким образом, третья глава настоящего исследования посвящена комплексному анализу ключевых проблем правоприменительного характера, связанных с реализацией меры пресечения в виде домашнего ареста в современной системе уголовного судопроизводства, и содержит научно обоснованные рекомендации по оптимизации соответствующего нормативного регулирования и практики его применения.

В ходе проведенного исследования установлено, что существующая правовая неопределенность в механизме получения и оформления согласия собственника жилого помещения на пребывание подозреваемого или обвиняемого требует законодательного закрепления императивного требования о документальном подтверждении волеизъявления совместно проживающих лиц с установлением их ответственности за соблюдение судебных ограничений, что позволит создать действенные правовые гарантии обеспечения принципов определенности и транспарентности при реализации данного вида процессуального принуждения, а также сформировать единообразную судебную практику его применения.

Особую актуальность приобретает вопрос обеспечения конституционных гарантий лиц, подвергнутых данной мере процессуального принуждения, что детерминирует необходимость нормативного закрепления права на ежедневные прогулки продолжительностью не менее двух часов в качестве императивного положения, направленного на поддержание баланса между ограничительным характером меры пресечения и фундаментальными принципами гуманности и соразмерности, закрепленными в Конституции РФ, что в конечном итоге позволит гармонизировать соотношение публичных интересов правосудия и индивидуальных прав участников уголовного судопроизводства, обеспечивая при этом необходимый уровень защиты человеческого достоинства и физического

здоровья лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста.

Значительная проблематика связана с отсутствием единообразного толкования норм о применении домашнего ареста в отношении преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Устранение данной коллизии требует внесения соответствующих уточнений в законодательство для обеспечения единообразия судебной практики.

Отдельного решения требует вопрос применения домашнего ареста при наличии медицинских противопоказаний к содержанию под стражей. В целях устранения существующих правовых пробелов представляется необходимым законодательное закрепление исчерпывающего перечня заболеваний, при наличии которых возможно определение профильного лечебного учреждения в качестве места исполнения меры пресечения, с параллельной детализацией процедуры медицинского освидетельствования для подтверждения соответствующих медицинских показаний.

Одновременно требует нормативного совершенствования механизм продления срока домашнего ареста в случаях обжалования решений о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, что обусловлено необходимостью обеспечения процессуальной стабильности и соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства при сохранении действенных гарантий прав личности. Оптимизация данного процесса должна включать законодательное закрепление четкой процедуры продления, установление временных нормативов рассмотрения соответствующих ходатайств и совершенствование взаимодействия между судебными и правоохранительными органами.

Заключение

Домашний арест как мера пресечения, регламентированная главой 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представляет собой строгий вид процессуального принуждения, обеспечивающий эффективную социальную изоляцию обвиняемого (подозреваемого) при одновременной реализации принципа экономии процессуальных издержек.

Институциональная ценность данной меры проявляется в ее двойственной природе: с одной стороны, она создает действенный механизм контроля за поведением субъекта уголовного преследования посредством системы круглосуточного электронного мониторинга, с другой - позволяет оптимизировать бюджетные расходы на содержание лиц в следственных изоляторах.

Технологический компонент контроля гарантирует неукоснительное соблюдение установленных судом ограничений, формируя автоматизированную систему фиксации нарушений с последующей их трансляцией в уголовно-исполнительные инспекции для принятия адекватных правовых мер, что в совокупности обеспечивает баланс между карательной и превентивной функциями данного процессуального института.

В статье 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплено нормативное определение домашнего ареста, анализ которого позволяет выделить его ключевые юридические характеристики. К ним относятся: исключительная подсудность вопроса о применении данной меры пресечения; обязательная пространственная локализация в жилом помещении или ином пригодном для постоянного проживания месте; потенциальное установление дополнительных ограничительных мер, включая, но не ограничиваясь запретами на коммуникационные контакты, использование средств мобильной связи и доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Нормативное регулирование мер пресечения в российском уголовном процессе, базирующееся на положениях статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, предусматривающей гарантию права лица, в

отношении которого применены наиболее строгие меры пресечения, связанные с изоляцией от общества (заключение под стражу или домашний арест), на пересмотр избранной меры пресечения и возможность ее замены на более мягкие формы процессуального принуждения, включая залог, что соответствует международным стандартам в области защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Историко-правовое исследование генезиса данного института демонстрирует четыре последовательных этапа его развития: генезисный (1646-1653 гг.), характеризующийся первичным оформлением в правовой системе; институциональный (1832-1919 гг.), связанный с формированием нормативного механизма; кодификационный (1922-1960 гг.), совпавший с созданием уголовно-процессуального законодательства; и современный (с 2001 г. по настоящее время), отражающий процесс реинституционализации и совершенствования домашнего ареста как полноценной меры процессуального принуждения в российской правовой системе.

Меры пресечения в системе уголовного судопроизводства выполняют ключевую системообразующую функцию, обеспечивая реализацию норм материального и процессуального права, предотвращая возможные препятствия для установления объективной истины по делу и поддерживая правопорядок в ходе уголовного процесса. Теоретико-правовой анализ института мер пресечения позволяет выделить две взаимосвязанные, но методологически дифференцированные группы оснований их применения: уголовно-правовые (материально-правовые) и процессуальные. К первой категории относятся фундаментальные материально-правовые предпосылки, включающие установление в деянии признаков состава преступления, достоверную идентификацию лица как субъекта преступного деяния, достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности и подтверждение состояния вменяемости в момент совершения инкриминируемого деяния. Вторую группу образуют процессуальные основания, нормативно закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве, которые включают: формальное

наделение лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого; наличие достаточной совокупности доказательств, обосновывающих его причастность к совершению преступления; а также аргументированное предположение о вероятности наступления негативных процессуальных последствий (уклонение от органов следствия и суда, воспрепятствование производству по уголовному делу, продолжение преступной деятельности) в случае неприменения мер процессуального принуждения. Данная система оснований формирует комплексный критериальный механизм, обеспечивающий законность и обоснованность применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Данная система оснований формирует комплексный критериальный механизм, обеспечивающий законность и обоснованность применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Принципы правомерности и соразмерности избираемых мер пресечения основываются на их объективной необходимости и функциональной способности гарантировать надлежащее течение уголовного судопроизводства. В научной доктрине сохраняется дискуссионный характер вопросов, связанных с систематизацией и классификацией оснований для применения мер пресечения, что находит отражение в существовании различных теоретических подходов к данной проблематике.

В рамках уголовно-процессуального регулирования условия избрания мер пресечения образуют многоуровневую систему правовых критериев, дифференцируемых на общие и специальные. Общие условия, обладающие универсальным характером, формируют нормативную базу для применения любой из предусмотренных законодательством мер пресечения, устанавливая фундаментальные требования, обязательные для всех видов процессуального принуждения. Специальные же условия, отражая специфику отдельных мер пресечения, детализируют порядок их применения в отношении конкретных категорий участников уголовного судопроизводства, учитывая особенности их правового статуса, характер инкриминируемого деяния и иные значимые обстоятельства. Такая двухуровневая система критериев обеспечивает

дифференцированный подход к выбору мер процессуального принуждения, сочетая единые правовые стандарты с необходимостью индивидуализации при их применении.

В отношении домашнего ареста как особой меры пресечения специальные условия включают: наличие у обвиняемого (подозреваемого) постоянного места проживания, обеспечивающего возможность изоляции; существование системы эффективного контроля за соблюдением установленных ограничений; а также совокупность иных значимых обстоятельств, подлежащих учету при принятии процессуального решения.

Процедура избрания домашнего ареста как меры пресечения представляет собой сложный правоприменительный механизм, детально регламентированный нормами уголовно-процессуального законодательства и предполагающий последовательное осуществление установленной совокупности процессуальных действий. Принятие судебного решения о применении домашнего ареста как меры процессуального принуждения осуществляется на основе комплексного анализа системы взаимосвязанных критериев, включающих: характер и степень общественной опасности инкриминируемого деяния, индивидуальные характеристики личности обвиняемого (социальный статус, имущественное положение, семейные обстоятельства), а также криминологически обоснованный прогноз потенциального противоправного поведения. Судебный акт, устанавливающий данную меру пресечения, должен содержать развернутое мотивированное обоснование, строго соответствующее основополагающим принципам уголовного судопроизводства - законности (соблюдение нормативных предписаний), соразмерности (адекватность ограничений тяжести предполагаемого правонарушения) и справедливости (баланс публичных и частных интересов), что обеспечивает правовую обоснованность ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе. При этом особую значимость приобретает формирование эффективного механизма контроля за соблюдением установленных ограничений, который должен обеспечивать баланс между достижением целей уголовного преследования и защитой правовых

гарантий лица, подвергнутого данной мере пресечения. Такой подход позволяет рассматривать домашний арест как сложный правовой институт, сочетающий ограничительную функцию с системой процессуальных гарантий прав личности.

Реализация указанных положений способствует оптимизации механизма уголовно-процессуального принуждения при сохранении необходимых гарантий прав личности.

В ходе проведенного исследования установлено, что существующая правовая неопределенность в механизме получения и оформления согласия собственника жилого помещения на пребывание подозреваемого или обвиняемого требует законодательного закрепления императивного требования о документальном подтверждении волеизъявления совместно проживающих лиц с установлением их ответственности за соблюдение судебных ограничений, что позволит создать действенные правовые гарантии обеспечения принципов определенности и транспарентности при реализации данного вида процессуального принуждения, а также сформировать единообразную судебную практику его применения.

Особую актуальность приобретает вопрос обеспечения конституционных гарантий лиц, подвергнутых данной мере процессуального принуждения, что детерминирует необходимость нормативного закрепления права на ежедневные прогулки продолжительностью не менее двух часов в качестве императивного положения, направленного на поддержание баланса между ограничительным характером меры пресечения и фундаментальными принципами гуманности и соразмерности, закрепленными в Конституции РФ, что в конечном итоге позволит гармонизировать соотношение публичных интересов правосудия и индивидуальных прав участников уголовного судопроизводства, обеспечивая при этом необходимый уровень защиты человеческого достоинства и физического здоровья лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста.

Значительная проблематика связана с отсутствием единообразного толкования норм о применении домашнего ареста в отношении преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Устранение данной коллизии требует

внесения соответствующих уточнений в законодательство для обеспечения единообразия судебной практики.

Отдельного решения требует вопрос применения домашнего ареста при наличии медицинских противопоказаний к содержанию под стражей. В целях устранения существующих правовых пробелов представляется необходимым законодательное закрепление исчерпывающего перечня нозологических форм, при наличии которых возможно определение профильного лечебного учреждения в качестве места исполнения меры пресечения, с параллельной детализацией процедуры медицинского освидетельствования для подтверждения соответствующих медицинских показаний.

Одновременно требует нормативного совершенствования механизм продления срока домашнего ареста в случаях обжалования решений о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, что обусловлено необходимостью обеспечения процессуальной стабильности и соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства при сохранении действенных гарантий прав личности. Оптимизация данного процесса должна включать законодательное закрепление четкой процедуры продления, установление временных нормативов рассмотрения соответствующих ходатайств и совершенствование взаимодействия между судебными и правоохранительными органами.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность применения домашнего ареста как меры пресечения, обеспечив при этом должный уровень защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление Брянского областного суда № 22-1530/2023 от 28 сентября 2023 года по делу № 3/1-244/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/a6GYQvYT5Plu/> (дата обращения 22.03.2025 г.).
2. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым № 22К-3180/2023 3/1-227/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 3/1-227/202 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/0SRisEsKDAdm/> (дата обращения 22.03.2025 г.).
3. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22К-4741/2023 от 23 октября 2023 г. по делу № 1-43/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/yrtwO0kXArLP/> (дата обращения 22.03.2025 г.).
4. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2466/2020 22К-2466/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/KNrpjAUWV3bJ4> (дата обращения 22.03.2025 г.).
5. Арутюнян О.А., Мисник И.В Мера пресечения в виде домашнего ареста: сущность и практика применения // Наукосфера. 2024. № 2-1. С. 231- 235.
6. Баксалова А.М., Гурова М.Д. История возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 9 (72). С. 371-375.
7. Бутакова Е.С. Мера пресечения в виде домашнего ареста: проблемы теории и практики применения // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 2. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 246-249.
8. Горбатых И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического

института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.

9. Исанбаев И.С. Практические вопросы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы предварительного расследования : Материалы международной научно- практической конференции, Санкт-Петербург, 26 апреля 2023 года. Санкт- Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 26-28.

10. Каштанова А.О. Становление и развитие меры пресечения в виде домашнего ареста в истории России // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 139-143.

11. Квык А.В. Система средств контроля над нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом нуждается в коренном преобразовании // Расследование преступлений: проблемы и пути их разрешения. 2017. № 1 (15). С. 76-80.

12. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. 142 с.

13. Колесников М.В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста //Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 243-247.

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 04.03.2025 г.).

15. Мещерякова Ю.О., Тахаутдинова А.Р., Мычак Т.В. К вопросу о системе мер пресечения в российском уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 21-27.

16. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 22.03.2025 г.).

17. Основания и условия для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста / И.Д. Мальцагов, У.Н. Бисултанов, А.М.М. Исмаилов, Д.С. Мальцев // Известия Чеченского государственного университета. 2021. № 4 (24). С. 140-144.

18. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 14. Ст. 2027.

19. Постановление Каякентского районного суда Республики Дагестан № 1-124/2023 от 28 ноября 2023 г. по делу № 1-124/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/XPguX6FyDhVR> (дата обращения 22.03.2025 г.).

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 22.03.2025 г.).

21. Постановление Северного районного суда г. Орла № 1-167/2021 от 23 июля 2021 г. по делу № 1-167/2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/iqO0Mn49ff17> (дата обращения 22.03.2025 г.).

22. Постановление Чаа-Хольского районного суда Республики Тыва № 1-22/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 1-22/2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/g2mJbbAYg511> (дата обращения 22.03.2025 г.).

23. Русман Г.С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Челябинск, 2006. 220 с.

24. Семёнов Е.А., Давыдова М.Г. Понятие и правовая природа домашнего ареста как меры процессуального принуждения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №2 (36). С. 472-481.

25. Сергеев В.И. Комментарий к формам документов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред.

В.И. Сергеева. - М. : ЗАО «Юридический дом «Юстицинформ», 2002. 239 с.

26. Тарасова К.С. О сущности меры пресечения в виде домашнего ареста // Уголовно-процессуальное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию кафедры уголовного процесса и криминалистики ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, Пермь, 28 октября 2020 года / Составитель Л.М. Фетищева. – Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 81- 85.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 22.03.2025 г.).

28. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/?ysclid=lu2j42cx45703312118 (дата обращения 22.03.2025 г.) (утратил силу).

29. Фетищева Л.М. Обсуждение понятия меры пресечения в виде домашнего ареста // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов VIII Международной научно- практической конференции, Пермь, 06–08 апреля 2021 года. Том 2. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 55-57.

30. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : дисс... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Цоколова Ольга Игоревна; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ]. Москва, 2007. 417 с.